

*Автор посвящает этот
роман памяти Ильяса Эфендиева*

Рисунок Марины Медведевой

7.

Для народов, проживающих в этой местности,

единственная политика — сила.

Из письма князя П. Д. Цицианова
императору Александру I

Все вокруг было черным-черно, и в этой темноте разлилось ощущение какого-то движения, кто-то двигался в этой черной черноте — кто это был? что это было? — этого во сне князь различить не мог, только сознавал, что темень и ощущение каких-то шорохов — не наяву; он спит, видит сон. И вдруг блеск выхваченного из ножен кинжала в той непроглядности сна и проникновение этого кинжала в живот князя произошли одновременно: все еще во сне, он почувствовал ледяной холод стали и тотчас проснулся — его лоб покрылся испариной.

Как правило, князь Цицианов не видел снов, впрочем, может, и видел, но, проснувшись, ничего не мог вспомнить. Словом, у него не было проблем со сновидениями, с тем, чем занимались на досуге петербургские шарлатаны, пытающиеся разгадывать сны, но тот, обдавший его посреди

ночи холодом, подействовал-таки на князя Цицианова. Что это? Что за сновидения накануне военного похода на Баку? Что оно означало, может, это некий знак, связанный с судьбой, занесшей его в этот далекий и дикий край? Может, и его ждет такая же холодная, как лед, участь генерала Лазарева?

Князь рассердился на самого себя: что за глупые и пугающие мысли? Кажется, Кавказ превращает его в гадалку-цыганку и он этого не знает?

Князь Цицианов ощущал внутри какое-то смешанное с тревогой беспокойство — казалось, это было беспокойством и тревогой кануна какого-то несчастья, невезения; за всю свою жизнь он не переживал подобного состояния. В его жизни — даже на этом самом Южном Кавказе — было немало тревожных минут: ожидание вестей от армейских

частей, ввязавшихся в бой, беспокойное ожидание ответа какого-то твердолобого правителя на требование сложить оружие, сдаться, не проливая крови... Но они приходили вместе с гневом, раздражением и вместе уходили, но... паники никогда не было.

И именно в эти мгновения князю Цицианову привиделся кинжал, что во сне вонзился в живот, — тот самый, которым царица Мария ударила генерала Лазарева, и князь, в объявшем всего его чувстве одиночества, подумал, что земля Закавказья, в целом Кавказа жаждет человеческой крови, эта земля любит кровь, этой земле присущ некий вампиризм, здесь даже солнечная система может вращаться вспять.

Да, здесь, на Кавказе, даже солнце может вращаться вспять.

В мае 1804 года, в то время, когда эта земля-вампир буйно раскрасилась, распригожилась цветами и кустами, князь Цицианов с двадцатитысячной армией, готовясь к наступлению на Эриванское ханство и не желая бессмысленного кровопролития, написал письмо тамошнему хану Мухаммеду, требуя полной капитуляции: «Клянусь Создателем, солнце может повернуть вспять, испарится, исчезнет Каспий, но ничто не в силах отразить мое наступление».

Наместник и правда бросился-таки в наступление, окружил и осадил Эриванскую крепость, осада длилась три месяца, однако отвергнувший все требования о капитуляции Мухаммед-хан вместе с жителями города вынес все лишения и потери, и крепость не сдал. На грозные, полные оскорблений письма князя хан отвечал не оскорблениями, а с достоинством. Не сумевший одолеть крепость, Цицианов ощущал себя не столько побежденным, сколько униженным; во время Эриванского похода, казалось, даже судьба отвернулась от князя — наступившая жара, невиданная прежде в этих местах, косила солдат, из-за нее же запаздывали подводы, доставляющие провизию, к тому же часть ее портилась по дороге; и еще — одна дурная весть преследовала другую: Аббас Мирза решил расположить свою штаб-квартиру вблизи Эривани. Не желая допустить этого, князь Цицианов отправил туда часть своих сил во главе с генерал-майором Портнягиным. Но Аббас Мирза опередил Портнягина, выдвинувшись первым, одержал верх, Портнягин был вынужден отступить; в одну из ночей Аббас Мирза, совершив налет, окружил находящийся в рядах русской армии отряд грузинской конницы, захватив его в плен, отправил в Тегеран. Все тот же Аббас Мирза неожиданно обрушился и на сторожевой пост русских

в ста верстах от Эривани, перебил всех защитников поста во главе с майором Монтрезором. Не имея средств и возможности достойно ответить на все это, князь под грузом досады был вынужден в сентябре снять осаду крепости. Князь никогда и ничего не скрывал от императора. И на сей раз в своем рапорте Его Величеству писал: «Когда я думаю о себе, у меня болит в груди. За тридцать лет службы я впервые был вынужден отступить, не одолев осажденную крепость».

...Князь непроизвольно провел рукой по груди, над сердцем — ну и что с того? Какой смысл в этот поздний час вспоминать все это? Если при каждом спотыкании, потере инициативы солнце станет вращаться вспять, на свете не останется камня на камне. Но солнце, как всегда, утром восходит, а вечером заходит.

Что за детские мысли? Не зря ли полвека обходили тебя пули и ядра, щадили сабли, и все для того, чтоб сейчас тебя прошиб холодный пот и ты погрузился в подобные бредовые мысли?

Но в глубине души чувствовал, что Эриванское фиаско просто повод, не это заставило его проснуться среди ночи, не это удручало, не от этого щемило сердце... А от чего же?

На сей раз князь Цицианов уже не мысленно, а шепотом сказал себе:

— Достаточно! — и сразу усмехнулся: в полночь главнокомандующий отдает приказ самому себе — рядовому.

«Все это от одиночества», — внезапно пришедшая мысль снова обдала его холодным потом.

Князь Цицианов никогда не чувствовал себя одиноким, чувство одиночества было для него абсолютно чуждо, и внезапно пришедшая на ум мысль — «от одиночества» — заставила его по-настоящему вздрогнуть. Что за настрой? Что за слабость? Он даже вспомнил оставшуюся там, где-то вдали, «Юлию». Отчего вдруг вспомнил переведенную им с французского в 19 лет повесть «Юлия, или Счастливое огорчение». Неужто 51-летний генерал от инфантерии, всесильный Наместник Кавказа впал в сантименты? Подростком князь пописывал и стихи, ему захотелось вспомнить и их, но ни одна, даже заваливающая строка не вспоминалась. Он чувствовал, что эти мысли, подобный настрой, уведут его в какую-то неведомую даль, о которой он нисколько не хотел думать. И его четкий, всегда работающий как заведенные часы мозг, чтобы не уходить в эти дали — утопающий хватается за соломинку, — снова напомнил ему об Эриванском ханстве.

Фиаско похода на Эривань, по сути, было наибольшим уроком, и князь Цицианов не скрывал

полученные уроки, больше того — умел делать из них выводы. Сейчас готовился поход на Баку, и у князя не было никаких сомнений, что он захватит его. Совсем скоро — после Баку — придет черед и Эриванского ханства, на сей раз и Эривань войдет в состав державы, в этом князь тоже нисколько не сомневался. Южный Кавказ, как и весь Кавказ, навечно станет частью, провинцией России, и кровь, пролитая на этой земле русским воинством, не будет напрасной.

Да, он, князь Цицианов, мечом и штыком привел в Закавказье Россию, но придет время, и этот край узнает и другую — просветительскую Россию! Россия сама, приобщаясь и вбирая в себя культуру и просвещение Европы, принесет их и сюда, и тогда аборигены Южного Кавказа, снявшие с себя кинжалы и надевшие галстуки-бабочки, даже не вспомнят, что фраки и сюртуки, в которые они так гордо облачились, принес в Закавказье меч князя Цицианова.

Цицианов протянул руку к стоящей у кровати тумбочке, найдя небольшой колокольчик, встряхнул его.

Тотчас распахнулась дверь, вошел дежурный офицер:

— Слушаю вас, ваше сиятельство!

Слабый свет заправленного нефтью светильника в смежной комнате осветил спальню, и казалось, этот свет немного смягчил беспокойство и смятение, охватившие князя.

— Подайте мне воды.

Дежурный офицер принес воды, и князь, присев на край кровати, выпил, вернул чашку стоящему навтыжку дежурному.

Офицер вышел из спальни, осторожно прикрыв за собой дверь, и комната погрузилась в такую же, как прежде, темноту.

И вдруг из этой темноты, глянув на князя Цицианова, улыбнулась царица Мария.

Князь был человеком, далеким от мистики, не только не воспринимал, но вообще не интересовался ею, и вера в мистика некоторых аристократов Петербурга и Москвы, даже того же несчастного Павла, внутренне раздражала, коробила его. Подобный интерес людей в первую очередь к собственной персоне оценивался им как равнодушные к судьбам России.

В ту полночь перед глазами князя Цицианова замелькала цифра «четыре»: царствование Павла длилось ровно четыре года, четыре месяца и четыре дня. Эти три четверки словно были зашифрованными кодами судьбы, эту дату Павел ждал ровно тридцать четыре года — он должен был вступить на трон еще тридцать четыре года назад.

Сказывали, что Ее Величество Екатерина в своем завещании назвала наследником внука Александра, но когда императрица была на смертном одре, Павел нашел и сжег это завещание.

— Проклятье дьяволу! — прошептал князь Цицианов. — Теперь уже и ты поддаешься дворцовым сплетням? Сказывают... Сказывают... С каких пор, ваше сиятельство, господин главнокомандующий, тебя стали занимать пересуды обывателей?

И в тот момент, когда он иронизировал сам над собой, князю вдруг показалось, что на число 444 указывает ему царица Мария.

— Что такое?! — с выплескивающимся изнутри гневом прошептал он. — Князь Павел Дмитриевич Цицианов! Что это? Ты что, превратился в одинокого дряхлого старика?

Наваждение!

Вместо того чтобы гордиться, вспоминая такого воина, как генерал Лазарев, он позволяет, чтобы его глазам предстала, желая утратить его, эта мегера, Мария?!

Со всей страстью князь Цицианов осерчал сам на себя, и переполняющие его чувства одиночества, подозрения, смешанные со смятением в предвещии какого-то кануна, будто испугавшись этой ярости, улетучились в один миг.

Генерал-майор Лазарев был достойным солдатом империи; прожив славную жизнь воина, он пал жертвой кавказского коварства.

Два года тому назад — тогда тоже только что наступил новый, 1803 год, — генерал Лазарев, имеющий особые заслуги в переселении большинства грузинских династий в Россию, тот самый тифлисский полицмейстер, генерал-майор Иван Петрович Лазарев, получив сведения от созданной им же в городе агентурной сети, рапортовал главнокомандующему, что группа грузинских аристократов готовит переворот, чтобы посадить на трон Багратионов, и что среди готовящих переворот есть и князь Цицишвили, имеющие родственные связи с главнокомандующим. Генерал Лазарев был не из тех офицеров, кто поостерегся бы сообщать подобные сведения, он четко назвал Наместнику поименно всех заговорщиков. Подобная прямота, откровенность и добросовестность были по душе князю, он высоко ценил эти качества генерала, относился к нему с подчеркнутым уважением.

После тщательного расследования главнокомандующий убедился в точности информации генерала Лазарева и, разъяренный предательством грузинских аристократов, с особой жестокостью расправился с заговорщиками, не пощадив, разумеется, и своих родственников. Сумевшие улиз-

нуть, унося с собой несбывшиеся мечты, кое-как сохранили себе жизнь, а те, кому не удалось бежать — эти чванливые, высокомерные грузинские князья, — по приказу Цицианова были заточены в Метехскую крепость как обыкновенные воры и мошенники. После этого случая князь Цицианов лишний раз убедился, что если не выслать с Кавказа всех отпрысков грузинских царей, князей, порядка и спокойствия в Грузии не будет; иначе не справиться с амбициями тех, кто и сегодня мечтает о царском троне. Следовало убедить императора Александра, чтобы тот дал ему полномочия лишать всех членов царских, княжеских семей права проживания в Грузии. Цицианов решительно обратился с этим предложением к самому императору и добился своего.

После высокого монаршего разрешения, по приказу и под непосредственным контролем Цицианова, началась повальная высылка все еще оставшихся в Грузии принцев, членов царских семей. Среди тех, кто не желал переезда, особо сопротивлялся этому, была близкая родственница князя Цицианова — царица Мария, и отправку этой негодницы вместе с детьми он поручил лично генералу Лазареву.

Жаль Лазарева, такой доблестный офицер погиб от рук мегеры, грузинской бабы-яги столь дешевой, не красящей его смертью.

Такие вот дела, Бабуа...

И вдруг внезапно князь Цицианов опять вспомнил Бабуа Арчила.

* * *

...В том видимом измерении вдоль берега Каспия медленно ехал всадник.

И он, конечно же, узнал Пантеру.

Сидящий на коне молодой азербайджанский бек порой гладил, почесывал гриву Пантеры, и нежная радость, исходящая от коня, волнами разливалась вокруг.

В эти мгновения Пантера был, вероятно, самым счастливым конем того видимого измерения.

8.

Тифлисский полицмейстер генерал-майор Иван Петрович Лазарев происходил из обедневших польских шляхтичей, переехавших в Казанскую губернию в начале прошлого века. Он был направлен в Кахетию в 1799 году, тремя годами раньше князя Цицианова.

Постаревший кахетинский царь Георгий XII, желая противостоять с юга — Каджарам, а с севера — дагестанским хакимам, обратился к императору Павлу с просьбой о военной помощи, и служивший в то время в Моздоке и только недавно получивший чин генерал-майора Лазарев по указанию императора вместе со своим полком направился в Закавказье. Перевалив ровно за тридцать шесть дней заснеженные, завьюженные Кавказские горы, добрался до Тифлиса, и тогда-то ему стало ясно, что хаос и неурядицы в Кахетии объясняются не столько военными нашествиями Османов и Каджаров, страхом внезапных набегов лезгин и аварцев, сколько бесконечной борьбой, которую вели, строя козни и интригуя друг с другом, желая завладеть тронem, грузинские принцы.

У известного жизнелюба грузинского царя было несколько взрослых сыновей от разных жен, слабый здоровьем и безвольный Георгий XII никак не мог справиться со своими сыновьями, откровенно опасаясь, не решался объявить ни одного из них наследником.

...Несколько лет назад в жизни генерала Лазарева произошла не способная зарубцеваться трагедия: за короткое время совершенно неожиданно скончалась его шестнадцатилетняя дочь Татьяна, не прошло и года — ушла из жизни не смирившаяся с этой утратой супруга Зохра. После смерти Зохры — крещеной татарки, оставшись совсем один, он еще больше, чем прежде, отдался работе; все его интересы, мечты и желания, симпатии и увлечения сфокусировались на армейской службе.

Расположив в Тифлисе свой полк, генерал Лазарев в первую очередь занялся тем, что обезвредил грузинских принцев — одних откровенным давлением, других посулами, заставляя переехать в Россию; в этом нелегком деле он опирался на силу своего полка, вес и влияние империи, а также личный авторитет, хотя, известно, завоевать авторитет на Кавказе — штука нешуточная!

Дело в том, что через некоторое время после прибытия в Тифлис — это был уже 1800 год — наступило новое столетие, и начался XIX век — аварский хан Омар с пятнадцатитысячным отрядом, в сущности, настоящей армией, пересек границу Грузии: это известие привело в ужас всю Кахетию — царя и враждующих друг с другом принцев, сельских жителей и именитых князей. Омархан пользовался большим авторитетом не только среди аварцев, но и во всем Дагестане, этот решительный, смелый человек был популярен на всем Южном Кавказе, о его доблести и одновременно жесткости ходили легенды, сложенный ашугами

дастан «Омар-хан Аварский» рождает чувство восхищения отвагой этого правителя, но одновременно же вселял в людей страх.

Нашествие на Кахетию Омар-хана и его правой руки Искендер-бека с огромным отрядом предвещало большую беду, оно являлось для генерала Лазарева серьезным испытанием, но оно же и позволило укрепить позиции империи в регионе. Генерал оказался достоин этого вызова, вместе с дополнительными силами, прибывшими с Севера — семью батальонами, подкрепленными артиллерией, выйдя из Тифлиса, он встретил Омар-хана на берегу реки Иора. В том сражении на помощь Лазареву пришли и конные отряды грузинских принцев — Баграта и Иоанна, и русские войска, не боящиеся ни пуль, ни сабель, благодаря решительному и тактически верному командованию Лазарева, нанесли поражение Омар-хану: получив ранение, хан вернулся в Дагестан, а Искендер-бек оказался в плену.

За эту победу генерал-майор Лазарев был удостоен Командорского креста Святого Иоанна Иерусалимского, а грузины в честь особого уважения и почета отрезали голову Искендер-беку и, сунув ее в мешок, принесли к дому, где проживал генерал. Генерал, держа за волосы голову бека, вышел на балкон второго этажа дома, где проживал, и под горячие приветствия грузин показал ее собравшимся.

Вот так утвердился авторитет генерал-майора.

С тех пор даже царица Мария иногда принимала в своей резиденции генерала Лазарева, делилась непосредственно с ним своими мыслями, и подобное отношение супруги Георгия XII — той самой Марии! — еще больше нагнетало злобу и ненависть к Лазареву врагов Марии. В то же время приносило еще больше уважения со стороны ее сторонников, как бы там ни было, во время встреч Лазарева с царицей создавалась какая-то особая атмосфера и настрой. Со дня прибытия на Южный Кавказ регулярные randevu, встречи с царицей Марией — обо всем следует говорить честно — стали лучшими мгновениями жизни Лазарева последних лет.

Жесткой, упрямой и красивой царице Марии еще не исполнилось и сорока, но в этой женщине была такая властность, что даже ее злейшие вра-

ги — принцы от других жен Георгия — терялись при встрече с ней, боялись попасть в раскинутые ею сети.

Можно сказать, почти каждый день перед сном генерал Лазарев вспоминал и Таню, и Зохру и был совершенно уверен, что они обе в том праведном мире — рядом с ангелами, так как они были чисты и непорочны, как ангелы. Но в следующую, после того как он впервые увидел Марию, ночь ему подумалось, что будь на месте Зохры царица, она никогда бы не ушла, оставив его одного. В тот миг в его душе проскользнуло почти

телесное ощущение: в том, что Зохра улетела к ангелам, оставив его одного, был некий эгоизм, даже элемент предательства, правда, тут же он подумал, насколько несправедливо это чувство, и сам был поражен, потрясен этим. Царица Мария смогла бы пережить смерть Тани, не оставила генерала Лазарева одного, а вот Зохра не пережила этого и вслед за дочерью улетела в небеса. Что это? — верность или предательство, измена по отношению к оставшемуся в одиночестве Лазареву? Конечно же, верность. Но после той первой встречи с царицей Марией в мыслях и чувствах Лазарева она ви-

делась ему той женщиной, что, пережив смерть дочери, не оставила бы его одного, и явилось бы не предательством, а свидетельством большой и стойкой верности.

Царица Мария даже близко не подпускала мысль об отправке в Россию ее сына и дочери, больше того — мечтала посадить девятнадцатилетнего Джебраила на Кахетинский трон. Сколько ни повторял Лазарев, что и в Санкт-Петербурге Джебраил и Тамара сохранят титулы принцев, получат хорошее образование, им будет отписана земля вместе с крепостными крестьянами, все это не возымело успеха. Уговорить Марию было невозможно, а ее влияние в грузинском аристократическом обществе таково, что применение насилия могло еще больше ослабить и без того не очень популярные пророссийские настроения; с другой стороны, Лазарев никоим образом не способен был говорить с Марией языком ультиматума, и Мария отлично это сознавала.

После кончины в декабре 1800 года Георгия XII началась смертельная схватка принцев за кахетинский трон, и когда вражда различных сил, поддерживающих или отрицающих права того или иного принца, достигла пика, внимательно отслеживающие события Османь и Каджары стали пытаться использовать создавшуюся ситуацию для укрепления своих позиций в Закавказье. Именно тогда заветная мечта царицы Марии — корона Кахети должна принадлежать Джебраилу! — еще более усилилась, превратившись в неодолимую страсть.

Генерал Лазарев, ожидая решения императора, опираясь на силу оружия и на свой авторитет, не допускал, чтобы кто-то из принцев захватил трон. Высочайший манифест Павла таков: Грузия присоединяется к России! И генерал Лазарев распорядился зачитать его во всех грузинских церквях и азербайджанских мечетях. Грузинские принцы, продолжая интриговать и плести сети заговоров, приняли этот манифест с яростью. А что делала, с присущей ей настойчивостью, к каким средствам прибегала, какие комбинации выстраивала царица Мария? Даже половины того генерал Лазарев, имеющий платных и добровольных доносчиков во всех слоях грузинского общества, не знал.

Два года прошли в подобном противоборстве, наконец в августе прошлого года его величество император Александр назначил князя Павла Дмитриевича Цицианова главнокомандующим войсками на Кавказе; и уже после первой встречи между князем и генералом Лазаревым установились равные, деловые отношения, ведь оба они были людьми служивыми. Главнокомандующий стал освобождать Грузию не только от принцев, но и от всех, кто имел хоть малейшее отношение к царской фамилии, и, столкнувшись с упрямством и непреклонностью царицы Марии, вечером 17 апреля 1803 года вызвал к себе генерала Лазарева.

В тот апрельский вечер в Тифлисе по-настоящему ощущался приход весны, князь Цицианов широко распахнул окна, в кабинете тоже запахло весной. Хотя дни становились все длинней, кабинет понемногу погружался в полумрак, но князь не приказывал зажечь светильники, заправленные нефтью, — их запах был бы абсолютно чужд наполненному комнату аромату весны.

Сидевший за просторным письменным столом, заваленным многочисленными рапортами, сообщениями, даже доносами, глянув на вытянувшегося по стойке смирно генерала, князь поднялся, пройдя вперед, встал лицом к лицу с ним. Генерал-майор являлся истинно русским офицером, верным отечеству и императору, они явно испытывали друг к другу уважение и симпатию.

Генерал Лазарев был одним из редких старших офицеров, что служил не ради высоких чинов и званий, а интересам родины и империи: Цицианов гордился именно такими русскими генералами. Наместник глядел на вытянувшегося перед ним сравнительно молодого генерала, и память унесла его в те далекие времена — почти двадцать лет назад — когда он полковником служил в Санкт-Петербурге, командуя гренадерским полком. Иногда он точно так же стоял навытяжку перед командующим, генерал-фельдмаршалом графом Салтыковым, они тоже питали друг к другу взаимную симпатию. Просто сегодня в роли фельдмаршала Салтыкова был он сам, а в роли полковника Цицианова — генерал Лазарев.

— Генерал, — произнес князь Цицианов. — У меня нет желания потворствовать чьим-то капризам! В том числе капризам царицы Марии. Я поручаю вам завтра утром вывезти Марию и ее детей за пределы Тифлиса и отправить в Петербург.

Приказ главнокомандующего не оказался для Лазарева неожиданным, он был убежден, что человек характера Цицианова не станет долго терпеть упрямство Марии, рано или поздно этому будет положен конец, Наместник отправит в Россию не только отпрысков Марии, но, ради общего спокойствия и стабильности, и саму царицу. Генерал знал и то, что царица Мария является близкой родственницей Цицианова, но для князя не имело никакого значения, близкое или дальней родство, даже само существование тех грузинских аристократов, которые, будучи родственниками или нет, выдавали себя за таковых, не говоря уже о тифлисских прощелыгах, каковые тоже были не прочь примазаться к имени князя. Но для главнокомандующего, как уже было сказано, это не имело ни смысла, ни значения. Цицианов устроил такую головомойку князьям Цицишвили, враждебно относящимся к России, что предпринятые им кары показались сверхсуровыми даже для непосредственного, активного исполнителя этих наказаний — генерала Лазарева; в рамках своей компетенции он написал рапорт, представив главнокомандующему несколько смягчающих предложений, но Цицианов отверг их.

И после приезда князя в Тифлис в качестве главнокомандующего генерал Лазарев ожидал подобного указания и в отношении царицы Марии. И, думая об этом по ночам, по-настоящему волновался, в его воображении возникала жуткая картина: схватив за волосы, он волочит царицу Марию по полу и сдает конвою, в подобные минуты у этого не знающего страха генерала от вол-

нения сводило все тело. Но, несмотря на это, он докладывал главнокомандующему, в ряду других секретных информации, и сведения об антироссийской деятельности царицы Марии — это находилось вне личных пристрастий Ивана Петровича, являлось долгом перед государством тифлисского полицмейстера — генерала Лазарева.

В те дни до слуха генерала Лазарева дошло, что царица Мария ведет тайную подготовку к побегу вместе с детьми в Стамбул, решив уже оттуда продолжать борьбу за выход Кахетии из состава России, а следующим шагом посадить на трон Джебраила. Но ввиду того, что информация была не до конца уточнена, генерал не стал до времени докладывать о ней главнокомандующему.

Вечером 17 апреля 1803 года князь Цицианов сказал:

— Прошу исполнить приказ и завтра до обеда доложить об исполнении!

— Слушаюсь, ваше сиятельство, — подчинился генерал-майор Лазарев, и всегдашняя решимость в его интонации не оставляла ни грана сомнения, что приказ будет неукоснительно выполнен.

У князя Цицианова промелькнула мысль, что как было бы славно, если бы все его генералы, как истинно военные люди, были столь же смелы, решительны и исполнительны, как Лазарев — статный, высокий, чьи неподатливые рыжие волосы падали на белый лоб, а взгляд голубых глаз был всегда ясен и прозрачен. Но князь Цицианов был не из тех, кто говорит все, что пришло на ум, и только добавил:

— Свободны!

После смерти дочери и жены генерал-майор Лазарев остался совсем один, по утрам, еще в полудреме, он непроизвольно ожидал пробуждения птиц и, услышав их щебет на ближних деревьях — Тифлис был зеленым городом — окончательно открывал глаза и тут же вскакивал с постели. И 18 апреля 1803 года, рано утром, птичий гомон заполнил комнату, сообщив о наступившем рассвете и начале замечательного весеннего дня.

Но в этот замечательный весенний день он был вынужден отправлять царицу Марию в ссылку.

Через два дня генералу Лазареву должно было исполниться сорок лет, это был порог — так считал генерал, — когда следует отчитаться перед самим собой за прожитую сорокалетнюю жизнь, но у него не было на это ни времени, ни желания, ни соответствующего настроения: ему необходимо отправить Марию в изгнание.

Чтобы своевременно выполнить приказ главнокомандующего, еще до ночи он поручил окру-

жить резиденцию царицы Марии, отправил туда двоих офицеров, подготовил для царицы, ее детей и слуг кареты, наметил офицеров, которые станут их сопровождать, лично проверил конвой. Был приказ главнокомандующего, отданный ради интересов государства, приказ должен быть выполнен неукоснительно; Лазарев знал, что так и произойдет, и уже до обеда он доложит князю Цицианову об исполнении.

Этот приказ породил в душе генерала какую-то тоску и стеснение, но даже в мыслях он не мог допустить, что повеление не будет выполнено; конечно, придумав какой-то повод, можно отойти в сторону, сказать, к примеру, больным. Главнокомандующий мог поручить это дело кому-то другому, к примеру, подполковнику Серебрякову по прозвищу Мясник, этот человек с удовольствием справился бы с поручением, мог даже, схватив царицу Марию за волосы, волочить ее по земле. Но генерал Лазарев не мог позволить себе манкировать солдатским долгом. Он получил приказ, обязан выполнить его и выполнит. Пусть Мария его воображения станет вечно презирать его, пусть генерал Лазарев будет вечно страдать — приказ должен быть выполнен. Лазарев был солдатом — русским воином, а воин обязан беспрекословно выполнять приказы.

И в то весеннее утро генерал Лазарев сам отправился в резиденцию царицы Марии.

Царица полулежала при параде на софе в своих покоях, откинувшись на мутаку¹, лишь бросив на себя легкую шаль. И генерал Лазарев, войдя, как всегда учтиво поклонился ей, и на мгновение в его голове пронеслась мысль, что необходимость поднять эту властную, деспотичную и прекрасную женщину с софы, чтоб отправить в Петербург, — самое печальное, горестное приказание, подобно которому он не получал ни разу в жизни.

Принц Джебраил и его сестра принцесса Тамара восседали посреди комнаты в мягких креслах, двое офицеров стояли рядом по обе стороны.

Не поднимаясь с софы, не позволив Лазареву даже раскрыть рот, царица Мария спросила по-русски, который знала отлично, но с грузинским акцентом:

— Генерал, вы хотите насильно отправить меня в Петербург, не так ли?

— Ваше величество... — начал Лазарев, но царица оборвала его:

— Смотрите мне прямо в глаза, генерал!

¹ Мутака — длинная, валиком подушка.

Генерал взглянул в глаза царицы, и на миг ему показалось, что в ее серых глазах, вместе с бесконечной яростью, в глубине этой ярости затаилась и любовь. Взяв себя в руки, Лазарев сказал:

— Таково, ваше величество, предписание главнокомандующего.

Царица подняла голову с мутаки, дрожащим от гнева и презрения голосом бросила:

— Его деды были не только нашими родственниками. Они были, слышите, нашей челядью! Были слугами! И теперь я должна подчиниться его приказу? Так вы считаете, генерал?

Генерал отвел взгляд от глаз царицы.

— Вы обязаны подчиниться приказу, ваше величество! — сказал он, и эти слова предали реальность обреченности Марии и ее детей.

На какой-то миг ее голова, казалось, бессильно упала на мутаку.

В комнате наступила тишина. Ее нарушила сама Мария:

— Ваш главнокомандующий — предатель, изменивший своему народу. И вы думаете сохранить Россию благодаря мечу предателей? — Затем, после короткой паузы, добавила: — Ну, генерал? Прошу ответить на мой вопрос. Я — не рядовой человек, я — царица Мария!

— Ваше величество, я не могу считать ваши слова приемлемыми.

На сей раз царица Мария спросила смиренно и печально:

— Но вы считаете приемлемым, что мои дети провели ночь под надзором русских офицеров, не так ли?

Генерал промолчал.

— Не надо, не отвечайте, господин Лазарев, — продолжила царица. — Но я обращаюсь к вам не как к русскому генералу, а к русскому дворянину. Что вы думаете по поводу того, что отправляете в ссылку, в Россию, меня — царицу Марию, вместе с моими детьми?

— Я обязан выполнить приказ, ваше величество...

— Ведь я сказала, что обращаюсь к вам не как к генералу, а как к русскому дворянину. — И царица Мария, словно после минутной слабости, с особым ударением добавила: — Я обращаюсь к вам, слышите, к вам...

Наступила тишина, и Лазарев, наконец, нарушил ее:

— Я — один и тот же человек, ваше величество...

— Нет, вы не один и тот же человек! — повысила голос царица Мария и с внезапной страстью спросила: — А что, если я не подчинюсь приказу?!

— Ваше величество, — промолвил генерал Лазарев, — поверьте мне, ваше упрямство... — Генерал на миг умолк, затем добавил: — Ваша борьба не имеет перспектив. Переезд в Петербург для вас и ваших детей — самый благоприятный вариант. Ваш титул и титулы ваших детей будут сохранены. Вы станете жить под личной опекой его величества императора Александра. Вы...

Мария не дала договорить генералу:

— Не пытайтесь уговаривать меня, господин Лазарев!

— Ваше величество, очень прошу, убедительно прошу, не принуждайте меня, чтобы... — Он не стал продолжать, несмотря на все ее упрямство, заносчивость, перед ним, русским генералом, была женщина — на деле беспомощная, обреченная... и любимая женщина.

За генерала продолжила сама царица Мария:

— Чтобы я не принуждала вас вышвырнуть меня силой на улицу? Не так ли, генерал?

— Ваше величество, — поспешно проговорил Лазарев, — прошу вас, собирайтесь! Кареты уже ждут вас. Я лично провожу вас.

И генерал Лазарев вышел из покоев.

Для него, боевого генерала, было куда проще и намного славней вступить в смертельную схватку с аварским ханом Омаром, нежели решать судьбу этой обреченной женщины, но если приказ дан — решать необходимо, причем неукоснительно и безусловно. Вчера вечером, после предписания главнокомандующего, единственное утешало генерала Лазарева — что переезд в Петербург и проживание там, и верно, было для Марии лучшим выбором. Даже если бы ей удалось бежать вместе с детьми в Стамбул, она ничего бы не добилась. В том костре, который царица собиралась разжечь, сгорела бы она сама — в истории немало больших и малых царей, принцев, правителей, что, сброшенные с престолов или ведущие борьбу за трон, бежали в Стамбул, — как правило, они терпели фиаско.

Резиденцией царицы Марии являлось двухэтажное здание, покои были на втором этаже. Когда генерал Лазарев, вконец расстроенный, стал медленно спускаться по деревянным ступеням, в покоях царицы поднялся шум, раздались громкие крики. Мгновенно повернув, он быстро взлетел наверх.

Войдя в комнату, генерал увидел, что принц Джебраил и принцесса Тамара с кинжалами в руках бросаются на офицеров, те с трудом отбиваются от яростных ударов, их руки в крови.

— Прекратите! — крикнул генерал Лазарев. — Прекратите эти безобразия! — Его гнев-

ный голос подействовал на брата и сестру, они опустили кинжалы, посмотрели на все еще полуплежащую на софе мать.

На сей раз генерал Лазарев прикрикнул и на царицу:

— Ваше величество, сказано вам, прекратите! Все это добром для вас не кончится!

И в это мгновение царица Мария, словно осознав полную бессмысленность сопротивления, улыбнулась:

— Ясно, генерал!.. Ясно!.. — И, глядя прямо в глаза Лазарева, после некоторой паузы, выпростав правую руку из-под шали, протянула ее генералу: — Прощайте, генерал...

Услышав эти слова, Лазарев успокоенно вздохнул, приблизился к софе, опустил голову, чтобы поцеловать протянутую руку, и в это время Мария с мгновенной стремительностью выдернула из-под шали кинжал, что держала в левой руке, вонзила его в грудь генералу.

Генерал Лазарев выпрямился, сделал шаг назад, протянул руку к груди, но схватить рукоятку кинжала не смог, опустился на колени.

— Мария... — прошептал он.

И на мгновение генералу подумалось, что Мария отправляет его к Зохре и Татьяне, затем

он посмотрел на свою окровавленную руку и успел подумать, что ангелы не примут его, так как руки у него в крови.

И генерал-майор Иван Петрович Лазарев отошел в иной, милосердный мир...

Это известие мгновенно распространилось по всему Тифлису, привело в ярость князя Цицианова. Он приказал посадить Марию и ее детей в Метехскую тюрьму, в одну камеру с тифлисскими ворами, разбойниками, не делая никаких поправок. Через некоторое время Мария вместе с детьми была отправлена в Россию, и все еще не успокоившийся после этого злодейского преступления князь Цицианов лично приказал сопровождающим обращаться с ними в пути как с обыкновенными преступниками. Князь Цицианов никак не мог совладать со своей яростью, он отправил в Петербург всеподданнейший рапорт о случившемся, требуя строго наказать царицу. По предложению князя Марию по прибытии в Россию отправили в женский монастырь, в город Белгород в Воронежской губернии.

По приказу и при участии главнокомандующего генерал Лазарев был с высокими воинскими почестями предан земле в Сионском соборе Тифлиса.

Продолжение следует.